

Галина Гампер

Черный квадрат
вороны

Галина Сергеевна Гампер

Чёрный квадрат вороны

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6496772

*Чёрный квадрат вороны: Книга стихов: Геликон Плюс; Санкт-Петербург; 2013
ISBN 978-5-93682-914-7*

Аннотация

Галина Гампер – поэт и переводчик. Автор многих поэтических книг. Автор стихотворных переводов с английского и славянских языков. Много лет работала над биографиями английских романтиков. В 1996 г. опубликовала романизированные произведения о жизни и творчестве Шелли и Байрона. Стихи издавались в Англии, Америке, Ирландии и других странах.

Новая книга известной петербургской поэтессы Галины Гампер состоит из двух разделов: первый из них включает стихи, написанные в 2012-13 гг., во второй вошла избранная лирика из предыдущих книг.

Содержание

Стихи 2012–2013 гг.	6
«До сути приблизительной дошла...»	6
«Мне по несбыточному грусть...»	7
«Египта нет...»	8
«Я день убила – клонится к концу...»	9
«Ты близорук?...»	10
Формула Малевича	11
«Встань на полозья сзади – сяду я...»	12
«Подледным садом декабря...»	13
«Было поздно еще...»	14
«Всё пишет о воде: вода, вода...»	15
«А жизнь какая? Светло-тёмная...»	16
«Как осознать...»	17
«И было так...»	18
«О чем читать...»	19
«Зацепилось море за берег...»	20
«Я черная субстанция ничья...»	21
«В крылатке рваной тучи мчался смерч...»	22
Петергоф	23
«Мне по образу и сути...»	24
Моему деду Михаилу Мансурову	25
«Я знаю, что давно уже не там...»	26
«Я исчезла, ушла...»	27

Галина Гампер

Чёрный квадрат вороны

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга

© Гампер Г., текст, 2013

© «Геликон Плюс», макет, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Стихи 2012–2013 гг.

«До сути приблизительной дошла...»

До сути приблизительной дошла,
Бессмертие приняв как допущенье.
Шиповника библейское растенье
Эфиром дышит, мельтешит пчела,
Петляют тропы – можешь по любой,
Что повлечет – неведение, примета...
За ливнем рай струится голубой,
И молния в нём – росчерк фиолета.

«Мне по несбыточному грусть...»

Мне по несбыточному грусть
Привита с оспой или корью,
Кружу одна по Лукоморью,
Опять одна, одна, и пусть...
Мне по привычке ни к чему
Ни зелен дуб, ни кот ученый,
С другой на счастье обречённый,
Пусть мне – лишь посох и суму,
А главное, чтоб ум при мне
Любой —
тоскующий ли, грустный...
И в повести моей изустной —
Помарки по ничьей вине.

«Египта нет...»

Египта нет,
чтоб по пути зайти,
Иосифа —
чтобы спроворить в путь,
Есть лишь малютка
в люльке, как в горсти,
И смутное
«куда-то», «где-нибудь»...
И время, убыстряющее ход,
Сжимающийся мир,
воззавший SOS,
Ничтожность всех и всяческих
хлопот
И каждому явившийся
Христос.

«Я день убила – клонится к концу...»

Я день убила – клонится к концу,
Декабрь хлестнул морозом по лицу,
Уже канун – и снова минус год.
Обманный праздник шапито грядёт.
Сон наяву, вернее, явь во сне —
Причудится, привидится, при мне
Останутся пустые две горсти
И голос свыше: «Ну прости, прости...»

«Ты близорук?..»

Ты близорук?
Ну что ж, тогда потом
Мы объяснимся,
говорю как мимо...
Пойми, я на краю,
и дело в том —
Хочу назад, но...
всё необратимо.
Я в обратимость верю лишь тогда,
Когда тебе
свои диктую строки,
Сумев дневные превозмочь мороки,
Взлететь или упасть
как в никуда.

Формула Малевича

Чёрный квадрат вороны,
Вписанный в снежный круг,
До гнезд обнажились кроны,
Ветви – подобье рук,
Скрюченных знаком жажды.
Декабрьский скругляя бег,
В куб жизнь он возвёл однажды,
Кубизм —
это снег и снег,
Цветение на морозе,
Розы январский пик,
Стих не уступит прозе,
Бог знает как он возник —
Слова наготове были,
Подкатывали комком,
Слепившись из снежной пыли,
В поддых угодив снежком.

«Встань на полозья сзади – сяду я...»

Встань на полозья сзади – сяду я,
На финских санках далеко уедем.
Лес чёрный, обрамляющий края
Снегов холмистых,
помашу соседям.
Что я? Ты – парус за моей спиной,
И ветер в спину, и стрелой дорога,
Глаза открыты буре не одной,
Не считаешь,
так их в жизни много.

«Подледным садом декабря...»

Подледным садом декабря
Хожу по Питеру кругами,
Заледенела, вверх ногами
Повисла, и сие не зря.
Я вдруг припомнила – «очко»
Кончиной света назначали,
Нет в ирреальности печали —
Все стройно, держится легко.
И медь монеты прямо в щель —
Так солнце село за Невою.
Рябит подводною травую
Дом, шпиль, решетки, купол, ель.
Декабрьский купол, ель, январь
Тринадцатым венчали годом,
Кружились музы хороводом,
Гнусавил ветер – пономарь...

«Было поздно еще...»

Было поздно еще,
хоть и рано уже —
В пограничном жила столбняке,
Непонятно зачем
поднялась в неглиже,
Хоть могла б еще плыть по реке —
Сонной, желтой,
готовясь подняться путем,
Белой сакурой зарозоветь,
Если б знать, что дорога,
которой идем,
Так вот будет стелиться и впредь.
Если б знать,
я себя не явила б такой —
Бледно-серой и глаз водяной,
Все, что должно случиться
над этой рекой,
Порастет неминучей бедой.

«Всё пишет о воде: вода, вода...»

Всё пишет о воде: вода, вода...
Он одинок, кого-то ждет, ни с места.
По горизонту движутся суда,
И маяком отмечена фиеста – не про него...
Отлив, опять прилив,
куриного к ногам прибило бога,
А он сосредоточен, молчалив —
такие дожидаются итога,
Какого ни на есть, но своего,
и терпеливо веруют в удачу,
А то, что снова мимо, – ничего...
Он ждет, а я стою в сторонке, плачу.

«А жизнь какая? Светло-тёмная...»

А жизнь какая? Светло-тёмная,
И жар – не жар, скорей озноб,
Натянет тучу —
ой, огромная,
А из неё – вдруг солнца сноп.
Оно само-то не покажется,
А только бросит сноп лучей —
В раж не впадай,
недолго ражиться,
Слиняет вмиг до ста свечей.
Опять пиши, читай без роздыха,
И тьма – не тьма, и свет – не свет.
Какой там Дух?
Хотя бы воздуха...
Так и того в заводе нет.

«Как осознать...»

Как осознать —
была и вдруг не стала,
Здесь нет меня,
но где-то все же есть?
Чувств пять и даже шесть —
ничтожно мало,
Заранее как знать —
что предпочесть?
И вот ещё —
как угадать вернуться
В ту точку,
где мне счастье как в поддых?
Остолбенеть,
почти что задохнуться,
Признание в рифму
выдохнуть, как стих.

«И было так...»

И было так —
ты брат, а я сестра.
И ангельский твой поцелуй сухой
на день грядущий
Валит с ног меня.
И я хожу кругами
В ритме вальса —
несестринский восторг.
И стало так —
на редкие небратские объятья,
На вспышки встреч
я променяла всё —
Жизнь-нетерпенье
в нетерпенье-смерть
Перелилась.
И стиснуло виски...

«О чем читать...»

О чем читать,
когда сама себе сюжет?
Что книги?
Будто ноги – есть ли, нет.
Недалеко, хотя б и есть,
на них уйдёшь,
Что книги эти?
Отгалдят, как молодежь,
Лишь до зари они друзья,
а дальше врозь.
Лишь ты, единственный, – в глаза —
не вдаль, не вкось.
Лишь ты, единственный,
не в тексте – во плоти.
А сколько виться той веревочке?
Плети
Мне кружев праздничных
русалочий наряд,
Плети, неважно,
сколько времени подряд.

«Зацепилось море за берег...»

Зацепилось море за берег,
Встало на якорь.
Я тоже стою на якоре,
Вечна моя стоянка —
Улица, дом,
Оконная прорубь в небо —
Небесный пейзаж
В движенье вечное окунает.

«Я черная субстанция ничья...»

Я черная субстанция ничья,
Во мне трепещут клеток фитильки,
И я иду вдоль черного ручья,
На нем последних листьев угольки.
Он тянется, как горлышко реки,
Вот просверком отбитые края —
Вдруг холм и роща,
рощи и холмы.
А главное, что ведь рукой подать
До дома моего — моей тюрьмы.
Кто нагадал? Тут нечего гадать —
Все просто так, все просто, ни за что.
Края души объемлют окоем.
Остаток срока —
мне ведь дали 100 —
Располовиним, доживя вдвоем.

«В крылатке рваной тучи мчался смерч...»

В крылатке рваной тучи мчался смерч,
И гнул стволы, и заголял подолы
Дрожащим кронам, и белёсоголым
Казался лес, ничком готовый лечь.
Тьма шла с залива дождевой стеной.
В ней вдруг являлся Иоанн Кронштадтский.
Святой ступал по водам, Божьей, братской
Любовью к нам сиял за пеленой.

Петергоф

Котел небес кипит, как в прачечной,
В парах лилового и синего,
На фоне зелени горячечной
Фонтанов лес белее инея.
Богов расплавленное золото —
Так свечи оплывают, маются...
И капли с веток — в полынь с холода —
Шипят и в ручейки сплетаются.

«Мне по образу и сути...»

Александру Мелихову

Мне по образу и сути
Быть бы грезой, быть фантомом,
Но не здесь в извечной смуте —
В горнем, вышнем, невесомом...
Что ж я так неодолимо
Прорастаю в плоть земную?
Все мои молитвы — мимо.
А ведь, может, одесную
Бога — дед мой, мой предстатель...
Стоп. Боюсь. Не надо чуда.
Прижилась в словесных ратях.
Не выдергивай оттуда.

Моему деду Михаилу Мансурову

Свет из храма Святой Магдалины
Освещает холмы и долины,
Звоны – птиц поднимают с дерев.
Тень мелькнёт, раздувая кадило,
Чтоб цветенье лугов восходило
Ввысь, в небесно-эмалевый неф.
Тень бегуча, порой многокрыла,
Вот уж епитрахилью накрыла
Всё и вся... Убиенный мой дед
В этом храме служил иереем,
Это тень его, тронув елеем
Лоб мой, нехотя сходит на нет.

«Я знаю, что давно уже не там...»

Я знаю, что давно уже не там
Живу, где значусь,
где приштамповали.
По чьим-то нераспознанным следам
Петляю, мчусь —
к себе ли, от себя ли —
Всё на разрыв, да вот нигде, никак
Обосноваться,
хоть давно пора бы,
Но до того земные связи слабы...
Безбашенна
и на душе сквозняк.

«Я исчезла, ушла...»

Я исчезла, ушла,
я не сдвинулась с места,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.